

оказательство протестующаго противъ самодержавія духа, оказательство, которое не могло доставить имъ успѣха и должно было неминуемо разбить ихъ жизни, по которое предназначалось для моральнаго воздѣйствія на послѣдующія поколѣнія; которое не могло сокрушить немедленно самодержавія, по вопзало въ его твердыню глубоко рода политическое характери, добровольное самозакланіе, разсчитанное на психологическое воздѣйствіе, если не на современниковъ, то на потомство. Можно различно оцѣнивать политическую цѣлесообразность этого акта. Однако, новѣйшіе критики декабристовъ ведутъ атаку на нихъ съ другой стороны, какъ разъ съ той, съ которой

они наименѣе уязвимы. Ихъ хотѣть вышутить и упизить, какъ людей малодушныхъ, по обнаружившихъ достаточной, нравственной доблести. Ссылаются на ихъ поведеніе на допросахъ. Конечно, тамъ были и ошибки и минуты упадка духа. Одно только упускаютъ изъ виду современные Катоны: прежде чѣмъ впасть въ эти ошибки и поддаться минутной слабости, эти люди добровольно обрекли себя на неминуемую гибель безъ всякой надежды на успѣхъ. Забывая или замалчивая эту бездѣлицу, Катоны обнаруживаютъ лишь свою собственную несостоятельность въ области нравственныхъ сужденій.

А. Князевтеръ.

ДЕМОКРАТІЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Среди многочисленныхъ толкованій демократіи различными два типа — формально-юридической, отправляющей отъ внѣшняго значенія слова (демократія — народовластіе) и социальнo-этической, опирающей на его внутренней смыслъ. Толкованія перваго типа связываютъ понятіе съ опредѣленнымъ типомъ политической конституціи; вторыя обращаютъ вниманіе на моральную цѣль, отвлеchenно

обозначаемую словами свобода и равенство.

Ничто такъ не характерно для нашего времени, и ничто такъ краснорѣчиво не говоритъ вмѣстѣ съ тѣмъ за мнимость современнаго «кризиса демократіи», какъ рѣшительное преобладаніе втораго пониманія надъ первымъ. Понятіе демократіи не хочетъ замѣняться въ твердыя грани формулъ и въ живомъ движеніи вскрываетъ все новыя

и новья стороны своего содержания.

Не то же ли было въ пору перваго расцвѣта европейской демократіи на зарѣ 19-го вѣка?

Не такъ же ли трудно укладывались въ програмныя рамки и не такъ же ли дѣйственно звучали въ то же время ея со-вѣтъ еще юные тогда лозунги?

Съ тѣхъ поръ демократія успѣла пережить настоящій кризисъ. Мѣсто ея, въ качествѣ будителя общества, на долгое время занялъ социализмъ, а демократія — достояніе официальной государственности — застыла символически въ надписяхъ надъ фронтонами казенныхъ зданій. Нынѣшній «кризисъ» ея похожъ на пробужденіе къ новой жизни. Въ омертвѣвшіе символы вновь облекаются въ плоть; опредѣлившись ея содержаніе ея опять становится неопредѣленнымъ; вокругъ беспорядка загораются новые споры, а два главныя потока, на которые разбилось единое въ началѣ теченіе, собираются снова въ общее русло: социализмъ провозглашаетъ себя «индустриальной демократіей», демократія — «конструктивнымъ социализмомъ». Процессъ еще въ начальной стадіи; окончательные результаты его неясны, но уже сейчасъ виденъ путь, на которомъ и демократію, и соци-

ализмъ — ея отпрыскъ — ждеть общая надежда побѣды.

Къ кому бы ни обратились мы изъ современныхъ теоретиковъ демократіи — къ «буржуазнымъ» ли социологамъ или къ вождямъ «пролетаріата», къ недавнимъ ли сторонникамъ демократіи, социалистамъ или къ формальнымъ противникамъ и ея, и социализма, синдикалистамъ, — всюду бросается въ глаза отказъ отъ формальнаго пониманія демократіи, стремленіе уловить ея *текущее* содержаніе. Для нашего сознанія это не строй, и не программа даже, а прежде всего руководимое демократическими принципами *движеніе*.

Руссо полагалъ, что «настоящая демократія невозможна». Онъ имѣлъ въ виду техническую трудность осуществить ее — собрать всѣхъ гражданъ на площади. Но совершенная демократія недостижима и въ болѣе глубокомъ смыслѣ: человеческое общество не можетъ сплошь состоять изъ истинныхъ «гражданъ» — т. е. социаль-но-активныхъ, сознательныхъ и разумныхъ людей. Истинная демократія, или «демократія по праву» (*démocratie de droit*), какъ называетъ ее въ своей послѣдней книгѣ *Гюи-Гранъ*¹⁾, всегда останется идеаломъ, къ которому

¹⁾ Georges Guy-Grand. La Démocratie et l'Après-guerre. 1923. («Bibliothèque d'Information Sociale», dirigée par C. Bouglé).

будутъ только приближаться «фактическия демократіи» (*démocraties de fait*) съ присущимъ имъ всегда элементомъ насилія, хотя бы и въ смягченномъ видѣ, хотя бы и подъ именемъ «правъ большинства». Истинная демократія *принципіально* исключаетъ насиліе, непримирима *ни съ какимъ* деспотизмомъ, *ни съ какимъ* «начальствованіемъ» одного человѣка надъ другимъ.

Говорятъ — демократія рациональна. Это, пожалуй, вѣрно. Только «раціонализмъ» демократіи не въ томъ, въ чемъ его ищутъ обычно — не въ логической завершенности строя. *Строй* демократіи скорѣй ирраціоналенъ. Доведенные до логическаго конца основные принципы ея не только противорѣчатъ другъ другу, но исключаютъ и другъ друга, и саму демократію: ничего общаго не имѣютъ съ ней ни либеральный анархизмъ (крайнее выраженіе свободы), ни противоположный ему эгалитарный коммунизмъ (крайнее выраженіе равенства).

Раціонализмъ демократіи — въ *раціонализации составляющихъ общество индивидовъ*, становящихся болѣе разумными, сознательными, человѣчными.

Само понятіе человѣка въ демократіи рационализируется (становится болѣе универсальнымъ, простымъ и доступнымъ), и демократическій

смысль Французской Революціи, напริมѣръ, именно въ томъ и заключается, что она *раціонализировала* презрѣнаго человѣка — члена корпораціи и сословія — въ «гражданина». Въ томъ же демократическій смыслъ и современной тенденціи къ обращенію «человѣка - гражданина» въ «человѣка - работника» (*producteur*): «производительный трудъ» еще болѣе универсальный признакъ человѣка, чѣмъ «гражданство», т. е. активное участіе въ политической жизни. Въ обликъ «производителя» человѣкъ *являе* для самого себя, чѣмъ въ обликъ «гражданина», и легче научается поэтому и управлять самимъ собой. «Производительный работникъ» не устраненіе, а *демократизация* «гражданина»: это гражданинъ государства, включающаго въ свое вѣдѣніе не только высокую сферу «политики», но и повседневный человѣческій трудъ.

Раціонализмъ демократіи — не абстрактная логика. Въ общественной практикѣ абстрактная логика приводит не къ демократіи, а къ «экстремизму»²⁾ — торжеству не человѣка, а *плана*. Раціонализмъ демократіи есть *свободная, научная работа ума* — освобожденіе отъ готовыхъ догмъ и активное приобщеніе *каждаго* къ вѣчно подвижной конкретности: это прямо противоположный догматизму, и руководимый моральными

²⁾ Maxime Leroy. Les techniques nouvelles du syndicalisme. Paris. 1928. p. 105.

ми принципами, *экспериментализмъ*. Въ этомъ *педагогическая* сторона демократіи. Въ этомъ смыслѣ еще Прудонъ предлагалъ называть ее «демопедіей».

Подчеркиваніе «педагогической» природы демократіи пещуждо и современнымъ теоретикамъ.. Ее выдвигаетъ, напримеръ, *Фильдъ*³⁾ въ еносѣ, посвященной критикѣ «гильдейскаго социализма» работъ. Демократія для него есть «приложеніе къ политической дѣятельности принципа воспитанія». Недемократъ разсуждаетъ въ политикѣ такъ: «то-то должно быть сдѣлано — надо сдѣлать это какъ можно лучше», а демократъ: «то-то должно быть сдѣлано — надо, чтобы это оказало воспитывающее вліяніе на возможно большее число людей». Демократъ, слѣдуя Платону, долженъ видѣть въ политикѣ средство «дѣлать гражданъ лучшими». Лучшее, въ смыслѣ объективныхъ успѣховъ, правительство можетъ быть не только недемократическимъ, но и враждебнымъ практически демократіи, если, наполняя гражданъ избыткомъ довѣрія къ власти, оно понижаетъ ихъ политическую активность. Внѣшніе результаты политики не един-

ственное и не *главное* оправданіе демократической власти...⁴⁾.

Если сущность демократіи не внѣшняя форма, а «духъ», то ее не приходится отождествлять не только съ какой-либо изъ существующихъ формъ государства, но и съ политической демократіей вообще. Политическая демократія—только одинъ изъ «аспектовъ» демократіи, а современное, напримеръ, «буржуазное» государство только одинъ изъ случаевъ этого аспекта. Соціальная, школьная, промышленная, семейная, даже воинская и церковная, — все эти виды демократіи въ такомъ же подлинномъ, не фигуральномъ значеніи слова, называютъ себя демократіями, какъ и демократія политическая⁵⁾. Демократія есть «утвержденіе свободныхъ и равныхъ въ достоинствѣ личностей», ихъ *эмансипація* отъ *чужой тиранической воли* — въ этомъ суть, а тамъ уже второстепенный вопросъ, о какой тираніи идетъ въ каждомъ случаѣ рѣчь — о тираніи ли главы государства — «владыки подданныхъ», о тираніи ли главы семьи — «владыки домоладцевъ» (*pater familias*) или, наконецъ,

³⁾ G. C. Field. Guild Socialism. A critical examination. 1922. Особ. Глава III: «Democracy in Politics and democracy in Industry».

⁴⁾ Op. cit. 132. 136. 142.

⁵⁾ Cp. Guy Grand. Op. cit. Livre I: Les aspects de la Démocratie.

о «владыкѣ рабочихъ и служащихъ» — самовластвомъ хозяинѣ фабрики. Экономическая демократія, напримѣръ, означаетъ эмансипацію работника, черезъ устраненіе собственности, какъ *ius abutendi*, и замѣну ея собственностью, какъ опорой независимости работающаго, какъ одной изъ «общественныхъ функций».

Веббъ⁶⁾ различаетъ «политическую» и «соціальную» демократію внутри государства (*The Political and the Social Democracy*) и «производительскую», и «потребительскую» демократію (*Democracy of producers* и *Democracy of consumers*) отчасти въ государствѣ же, отчасти внѣ государства. Это тоже *аспекты* демократіи. Въ идеально-демократическомъ строѣ общества (*The co-operative Commonwealth of to-morrow*)⁷⁾ они — государственные и внѣгосударственные — гармонически уравновѣиваются, осуществляя, каждый въ своей области, основную демократическую цѣль — «привлеченіе всѣхъ къ активному участию въ общемъ дѣлѣ»⁸⁾.

«Промышленная демократія» — самый злободневный демократическій аспектъ. «Трудовая эмансипація» личности,

какъ самое элементарное, логически даже предшествуетъ политической.

Во всякомъ случаѣ только провозглашеніемъ *правъ рабочего* вскрывается для современнаго сознанія истинное содержаніе «Демократіи Правъ».

Но есть ли «промышленная демократія» — демократія? Устраняя «Гражданскій Кодексъ» и замѣняя «индивидуальную свободу» и собственность правами рабочихъ ассоціацій, не ступаетъ ли она отъ подлинной основы демократіи — индивидуализма? . . .

... «Нѣтъ!» — отвѣчаетъ, устами Леруа, крайнее теченіе промышленной демократіи: «синдикализмъ, въ основѣ своей, есть борьба за распространеніе на всѣхъ людей драгоценнаго индивидуализма 89-го года съ его вѣрой, что безъ равенства нѣтъ и свободы»⁹⁾. Свободная личность не значить предоставленная себѣ одиночка. Въ наши дни такое пониманіе, во всякомъ случаѣ, невозможно. Только группа даетъ современной личности опору; только въ «синдикатѣ» человекъ не чувствуетъ себя безпомощной песчинкой передъ лицомъ современныхъ индустриальныхъ гигантовъ. Именно личность защищаетъ синдикатъ: не улучшеніе матеріальнаго быта (увеличеніе за-

⁶⁾ S. and B. Webb. *A Constitution for the socialist Commun-Wealth in Great Britain*. 1920.

⁷⁾ Webb. *Op. Cit.* 99 и слѣд.

⁸⁾ Max. Leroy. *Op. Cit.* 181.

рабочной платы и пр.), главная задача современной рабочей борьбы, а утверждение достоинства работника, въ качествѣ отвѣтственной кѣточки производства...

Не посягаетъ промышленная демократія и на личное право владѣльца, «собственнымъ трудомъ и собственнымъ рискомъ» создавшаго свое предприятие. Какъ труженникъ и организаторъ, владѣлецъ не устраняется отъ него. Что же касается претензій его на полную ответственность и единоличную власть, онѣ вполне аналогичны былымъ претензіямъ самодержавныхъ «хозяевъ страны», монарховъ, считавшихъ государство «своимъ» на томъ основаніи, что оно «создано поколѣніями ихъ предковъ».

Въ политикѣ формула „l'état c'est moi“ давно устарѣла. Очередь за подобной же формулой въ промышленности. Хозяину современнаго крупнаго предприятия, который сказалъ бы — «заводъ, это я!», рабочіе и служащіе отвѣтятъ: «не ты, а я, оны ты... — словомъ мы». Родился подлинный «патріотизмъ труда»⁹⁾, демократическій въ самой оснѣвѣ, ибо лозунгомъ своимъ оны ставить уже не «вѣрноуподданство» (вѣрность хозяину), а «гражданство» (отвѣтственное участіе въ общемъ дѣлѣ).

Въ полномъ согласіи съ такимъ пониманіемъ рабочей

борьбы и современный социализмъ формулируетъ свою задачу, какъ «*приложение демократіи къ индустріи*» (Webb. Op. Cit.), а англійскіе «гильдейцы», устами своего теоретика Коэли, увѣряютъ, что и вражда къ промышленной демократіи объясняется со стороны буржуазіи сознаниемъ, что именно черезъ нее впервые осуществляется на дѣлѣ политическая демократія¹⁰⁾.

Остается, однако, фактъ «антидемократическихъ» выступлений синдикалистовъ и фактъ недавнихъ симпатій европейскихъ рабочихъ къ антидемократическому совѣтскому строю. Не чувствуется ли въ нихъ принципиальное расхожденіе двухъ «аспектовъ?»

Это иллюзія. Оппозиція современному государству не есть, со стороны рабочихъ, оппозиція демократіи: оны нападаютъ на него не какъ на демократическое, а какъ на «буржуазное», т. е. *недостаточно демократическое* государство, и не во имя олигархіи, а во имя приспособленія демократіи къ современнымъ условіямъ быта, мало похожимъ на условія, при которыхъ демократія складывалась первоначально. Современный режимъ въ Россіи, конечно, не демократія, а пережитокъ старины, уродливая помѣсь Пугачева и аракатеевщины. Но, вѣдь, не эта же сторона привле-

⁹⁾ Ibid. 58.

¹⁰⁾ Field. Op. cit. 141.

кала западно-европейскихъ рабочихъ къ совѣтскому строю, даже не официальная совѣтская конституція, никогда не прѣмѣнявшаяся на дѣлѣ. Демагогическую диктатуру партійныхъ вождей они, вѣдь, совершенно искренно принимали за «диктатуру пролетаріата», а въ послѣдней цѣнили какъ разъ демократическую сторону ея — идею *рабочей* власти, т. е. политической эмансипаціи самой придувленной доселѣ части народа. Недаромъ и западные коммунисты оправдываютъ передъ рабочими свои симпатіи къ совѣтской Россіи не тѣмъ, что тамъ убиты зародыши демократіи, а какъ разъ обратнымъ — тѣмъ, что «въ идеѣ» совѣтскій строй есть «совершеннѣйшая форма подлинно народной, прямой демократіи»¹¹⁾.

Синдикализмъ противопоставляетъ себя демократіи — это вѣрно. Понятіе «гражданина» онъ замѣняетъ понятіемъ «производительнаго работника». Но, какъ мы видѣли уже, замѣна эта — не устраненіе, а совершенствованіе прежняго термина: идея труда, включенная въ новый терминъ, не замѣщаетъ, а дополняетъ собою идею свободы. Такъ думаетъ авторитетнѣйшій защитникъ новаго термина, теоретикъ революціоннаго синдикализма, Леруа. Каждый періодъ исторіи, говоритъ онъ,

создаетъ свой идеальный моральный типъ: такъ средніе вѣка создали «рыцаря», начало новаго времени «честнаго подданнаго», Французская Революція — «гражданина». Наконецъ, современность выдвигаетъ «производительнаго работника». Преемственность тутъ не механическая и внѣшняя, а органическая и внутренняя. Новый типъ вытекаетъ изъ стараго, не сразу сбрасывая съ себя его черты. Такъ «гражданинъ», какимъ мы знаемъ его исторически, есть въ сущности «бывшій подданный». Онъ слишкомъ ясно еще помнитъ чужую власть, чтобы интересоваться тѣмъ-нибудь такъ, какъ онъ интересуется вопросами власти. И республика современная не есть еще общество свободнорожденныхъ, а всего только «государство вольноотпущенныхъ». Типъ «работника» продолжаетъ собой прогрессивную серію. Вбирая въ себя извѣстныя стороны прежнихъ типовъ — въ томъ числѣ свободолюбіе гражданина — онъ прибавляетъ къ нимъ новое качество — активный интересъ къ труду, становящійся истинной основой свободы¹²⁾. Побѣда его есть побѣда демократіи, ибо тѣмъ, какъ не подлинной эмансипаціей личности, является замѣна вопроса «кому мы поручимъ власть?» вопросомъ «тѣмъ каждый изъ насъ проявить се-

¹¹⁾ Ср., напр., статью Кашена въ „Humanité“ 17. авг. 1920 г.

¹²⁾ Leroy. Op. cit. 23. 29. 35.

бя въ грудь?» Передъ новымъ, «профессиональнымъ» государствомъ стоитъ все та же проблема свободы, но разрѣшается она на болѣе конкретной и прочной основѣ. Субъектомъ его, подъ новымъ названіемъ, остается попрежнему «гражданинъ», но уже гражданинъ «на заводѣ»¹³⁾, т. е. гражданинъ-производитель полезныхъ для общества благъ. Это не «рабочій» въ прежнемъ, Прудоневскомъ или даже Марксовскомъ смыслѣ слова, — работникъ прежде всего физическаго труда: это всякій человекъ, активно проявляющій свою личность въ трудѣ.

Техники, педагоги, чиновники, служащіе — сейчасъ уже примыкаютъ, въ промышленныхъ странахъ, къ «конфедерации труда». Трудъ ученаго, артиста, писателя давно уже признанъ «производительнымъ». Практически социальныя грани «производительнаго работника» и «гражданина» почти уже совпали, а теоретически послѣднее понятіе не шире, а уже второго.

Неуклонно растетъ въ новомъ типѣ, и претендуетъ на первенство, роль *интеллекта*, — не въ смыслѣ новой, духовной аристократіи, а въ смыслѣ повышенія интеллектуальнаго уровня всей

«производительской» массы. Въ «производительномъ работникѣ», по выраженію Леруа, государство «*спиритуализируется*»: на всѣхъ заготовленный «планъ» замѣняется живымъ усиленіемъ *каждаго*, мертвящій догматизмъ отступаетъ передъ активнымъ «*экспериментализмомъ*»¹⁴⁾. Этимъ самымъ созидательное начало торжествуетъ надъ разрушительнымъ. Въ глазахъ «промышленнаго демократа» ореоль Пеллутъа (основатель во Франціи «биржъ труда») уже затмилъ ореоль Барбеса, таланты Сійеса цѣнятся выше талантовъ Бланки¹⁵⁾. Сама Революція превращена въ стихію прямо противоположную стихіи Войны: Война разрушаетъ для разрушенія, «Революція разрушаетъ лишь послѣ того, какъ создано новое, упраздняетъ, лишь подготовивъ для перемѣны почву»¹⁶⁾. «Революція, говоритъ Жуо, есть огромная *созидательная работа*...»¹⁷⁾

Можно по-разному оцѣнивать эти выводы каждый въ отдѣльности, но безспорно одно — «промышленно-демократическое движеніе есть движеніе *демократическое*, въ самомъ полномъ и глубокомъ значеніи этого слова...

¹³⁾ Ibid. 182.

¹⁴⁾ Leroy. Op. cit. 125.

¹⁵⁾ Ibid. 10.

¹⁶⁾ Изъ рѣчи Рожера Франка (Франса) главнаго секретаря Ustica (Union Syndicale des Techniciens de l'Industrie, du Commerce et de l'Agriculture) Цит. у Leroy, Op. cit. 107.

¹⁷⁾ Ibid. 6.

Наряду съ «промышленной демократіей» интересный по злободневности аспект представляеть собою и «потребительская демократія».

Это не кооператизмъ, а нѣчто болѣе широкое. *Веббъ* и «гильдейцы» обближаютъ потребительскую демократію съ политической, истолковывая современное государство, какъ своеобразный принудительный союзъ потребителей. Но это еще не «демократія потребителей». Демократія заключается въ «опредѣленномъ и устойчивомъ контролѣ общества надъ исполнительнымъ органомъ», а современный потребитель не имѣетъ еще надъ государствомъ дѣйствительнаго контроля¹⁸⁾. Въ расширеніи потребительскаго контроля и заключается одна изъ существенныхъ линий демократизаціи современнаго государства.

Демократія потребителей слагается сперва въ формѣ вольныхъ союзовъ и лицъ, какъ потребительскихъ въ узкомъ значеніи этого слова, такъ и въ смыслѣ представительства «пользователей» (users), или «публики» вообще. Таковы союзы квартирнаинимателей, плательщиковъ налога, пассажировъ желѣзныхъ дорогъ, телефонныхъ абонентовъ и пр.¹⁹⁾. Черезъ представительство въ соответствующихъ государственныхъ и «производитель-

ныхъ учрежденіяхъ лиги эти получаютъ постепенно официальный характеръ: организуется «публичный» контроль надъ органами и политической демократіи и производства²⁰⁾. Включеніе представителей «публики» въ третейскіе желѣзно-дорожные трибуналы (Tribunal of Reference) въ Англии, или учашихся и родителей въ школьные совѣты—конкретные примѣры «потребительскаго» демократизма. Сами «граждане» имѣютъ свое потребительское лицо и могутъ дѣйствовать въ качествѣ «публики», контролирующей «производство» издаваемыхъ на ея «потребу» законовъ...

Возможны конфликты между производительской и потребительской демократіей: интересы и цѣли производителя и потребителя во многомъ противоположны. Антагонизмъ разрешается самымъ развитіемъ демократіи, въ лицѣ народа объединяющимъ постепенно *въ одну и тѣхъ же рукахъ* начала производства и потребления, руководства и подчиненія, исполненія и контроля...

Усиѣхи демократіи вообще измѣряются духовнымъ ростомъ и активностью массъ. Ключъ къ нимъ не въ теоріи, а въ томъ, что Прудонъ называлъ «способностью» (capacité) трудящихся классовъ. Никакой революционный нажимъ, никакія конститу-

¹⁸⁾ Webb. Op. cit. 16.

¹⁹⁾ Guy-Grand. Op. cit. 63—64.

²⁰⁾ Ibid. 177.

ціонныя ухищренія не могутъ нарушити соотвѣтствія между степенью экономической и политической зрѣлости народа и степенью развитія демократіи. Вотъ почему демократическія революціи 19-го вѣка завершались «буржуазнымъ» лишь строемъ (книзу отъ «буржуазии» начинались «неспособные» классы). Вотъ почему «пролетарская» революція въ Россіи окончилась фактическимъ уничтоженіемъ городского рабочаго класса.

Въ торжествѣ интеллектуальнаго начала лежитъ одна изъ глубочайшихъ причинъ хроническаго «кризиса демократіи». Противники демократіи охотно ссылаются на нее, доказывая непримиримость присущаго личности критическаго начала съ лежащимъ въ основѣ всякаго общества началомъ подчиненія и авторитета. *Организация демократіи* это «сухая вода»: либо демократія, т. е. анархія, либо благоустроенное общество, т. е. авторитетъ—компромиссъ между ними невозможенъ... Все дѣло, однако, здѣсь въ томъ, что понимать подъ «организацией». Если организациія означаетъ непремѣнно насиліе, непремѣнно механическое подчиненіе центру, то «организациія демократіи» дѣйствительно невозможна. Но дисциплина можетъ быть *сознательной*, подчиненіе *добровольнымъ*. При такомъ пониманіи

организациія «соціальныхъ атомовъ» не только возможна, но неизбежна: само сознаніе тождества человѣка къ общественности. Вполнѣ «добровольная» организациія, конечно, лишь идеаль, но идеаль, вѣдь, и сама демократія. Въ этомъ смыслѣ «кризисъ» ея неизбеженъ. Только что вообще считать «кризисомъ», и въ чемъ видѣть «норму»? Развѣ вся общественная (да и личная) жизнь человѣка не есть сплошной кризисъ — непрерывающійся потокъ непримиримыхъ конфликтовъ?..

Процессъ развитія демократіи, начавшійся съ перваго появленія въ человѣческомъ сознаніи идей свободы и равенства, есть, въ сущности, процессъ развитія мыслительной способности человѣческаго рода — развитія человѣка, какъ *«мыслящаго животнаго»*. «Естественныя» вначалѣ отношенія семьи, народности, матеріальной борьбы (борьба за жизнь) принимаютъ въ этомъ процессѣ обликъ разумно-моральныхъ связей.

Демократія это — *«шествіе къ осознанію»* (*marche à la réflexion*), какъ выражается Гюн Гранъ (Op. Cit.), — медленное освобожденіе въ человѣкѣ разумнаго существа отъ наслѣдія гориллы и хищнаго звѣря. Это медленный, прерывистый и тяжкій процессъ. На пути къ превращенію чело-

вѣка въ сознательнаго члена семьи, государства и общества, ложатся груды препятствій физическихъ, историческихъ, социальныхъ. Сама «цивилизация» рождаетъ ихъ: развѣ не научная техника родила имперіализмъ, чуть не утопившій въ крови демократическую часть человѣчества?

Гдѣ же средства спасенія? Гдѣ счастливая пропорція благотворныхъ и сокружительныхъ дѣйствій мысли, индустрии, науки?

Современная демократическая мысль идетъ ее *внутри* общества — въ *самовоспитаніи* и избранныхъ группъ, и массъ, въ активномъ сотрудничествѣ индивидуальныхъ разумовъ.

Въ процессѣ упорнаго коллективнаго творчества, быть можетъ, разрѣшится когда-нибудь и другая проблема, бесплодно пока полнующая человѣчество — важнѣйшая проблема, отъ разрѣшенія которой въ конечномъ итогѣ зависить судьба демократіи — проблема *одухотворяющей общественной жизни санкцій*. Въ прошломъ роль ея играла властно религія. 19-й вѣкъ тщетно искалъ се то въ «разумной морали», то въ «позитивной политикѣ». Теперь опять стараются оживить къ общественной службѣ религію... Но демократическія судьбы навѣки связаны съ судьбами разума. «Усиѣхи разума», «демократизація», «про-

грессъ» — все это различныя слова, выражающія одну и ту же идею. Вотъ почему всякій противникъ демократіи, сознательно или бессознательно, есть противникъ «разума» и «прогресса» — «ретроградъ», «мракобѣсъ». Не характерно ли для современныхъ антидемократовъ разочарованіе въ «европейской» (т. е. разумной) культурѣ, призывъ къ Востоку и среднимъ вѣкамъ? Не знаменательно ли, что и теоретически чуждые этимъ идеямъ наши «лѣвые» антидемократы — коммунисты на практикѣ двигаются тѣмъ же понятнымъ путемъ — отъ машинной индустріи къ домашнему ремеслу, отъ «финансоваго капитала» къ натуральному хозяйству, отъ демократическаго Запада къ деспотическому Востоку?

Разумъ специфическое орудіе чловѣка въ борьбѣ за жизнь. Внѣ разума невозможно для него утвержденіе жизни. Вотъ почему антидемократъ неизбежно удаляется отъ нея — то въ потусторонній міръ мистическихъ сущностей, то въ схоластическій міръ безжизненныхъ формулъ. Разумъ замѣненъ у него вѣрой — религіозной въ одномъ случаѣ, политической въ другомъ, а свобода, вытекающая изъ разума, — деспотизмомъ то въ видѣ идеализированной монархіи, то въ видѣ «соціализированной» диктатуры...

Ив. Херасковъ.